

18+ Сергей Петрович Евсеев

I Итальянский легион

Книга 1

Сергей Евсеев

I Италийский легион. Книга 1

«Издательские решения»

Евсеев С. П.

I Италийский легион. Книга 1 / С. П. Евсеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-553412-5

Первый век нашей эры. Римская Империя, пережив период гражданских войн после смерти Нерона, усиливает свою мощь. Император Веспасиан разрушает город Иерусалим, закончив тяжелую и долгую иудейскую войну. Руками плененных евреев строится вечный символ непобедимого Рима — Колизей, амфитеатр Флавиев, но на границе империи начинается Великая война с Дакией. Сын Веспасиана, Домициан, приведет империю к поражению и позору. Люди, втянутые в поток исторических событий, пытаются жить, бороться и любить.

ISBN 978-5-00-553412-5

© Евсеев С. П.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	23
Глава 3	27
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

I Италийский легион

Книга 1

Сергей Петрович Евсеев

© Сергей Петрович Евсеев, 2022

ISBN 978-5-0055-3412-5 (т. 1)

ISBN 978-5-0055-3413-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Из того материала, что оставила нам наука, весьма затруднительно не только выделить из нескольких версий, передающих характер и сущность той войны, наиболее истинную, но и просто последовательно изложить разрозненные факты. Писатель старается не только изучить, а прочувствовать ход римской истории, вглядываясь в каждый образ, сопереживая судьбе даже незначительного персонажа.

Это придает повествованию некоторую наивность, естественную теплоту, а иногда нескрываемую нежность изложению тех сухих исторических фактов и событий, давно уже не имеющих для человечества ни малейшей ценности и оставивших о себе едва ли тень воспоминаний.

В книге изначально не ставился замысел поведать обо всех деяниях противоборствующих сторон, римлян и даков, а также их союзников и противников. Автор оценивается не как исторический исследователь, а как исторический писатель, сохраняющий достоверную хронологию тех далеких событий.

Чтобы понять историю, а тем более историю античную, необходимо не спеша пройтись по улицам ее городов, выложенных тысячелетними камнями, зайти в ее храмы и послушать эхо древних молитв, ощутить запахи цветущих садов, прикоснуться к мрамору шедевров, еще хранящих тепло рук мастеров, повторить в себе мелодику их языка.

Читая книгу, не сразу понимаешь, где писатель, словно художник, использовал крупные мазки, рисуя общую картину происходящего, известную и знакомую многим, а где брал в руки тонкую кисточку и осторожно прорисовывал мельчайшие черты истории и взаимоотношений людей, ее создававших.

Страшная своей неотвратимостью трагедия войны дакийского народа с Римской империей, бесстрастная хронология той борьбы в книге лишена классического академизма. Среди жестокости и бессмысленности войн древности ярче и полнее живут человеческие чувства и привязанности. Живая история вызывает трепет, так и хочется приблизиться к ней и коснуться рукой, как святыни. Ведь на ощупь все чувствуется иначе и желание прикоснуться, так же как и потребность дышать, не исчезнет никогда.

Упрек в адрес автора о его необъективном освещении и без того мало известного представляется несостоятельным. В книге известные исторические факты соединены и окружены яркими, живыми образами людей той эпохи. Читатель, увлекшись знакомством с ними, поневоле оказывается вовлеченным в жизнь, текущую перед его глазами. Как бы проживая с ними рядом, узнавая среди них и своих знакомых, и друзей. Книга лишена тяжелой документальности, надуманности или нереалистичной героики. Персонажи подвержены всем человеческим слабостям и, не всегда проходя свой жизненный путь, становятся мудрее или сильнее. Смерть и забвение равняет людей на дорогах истории. Давно прошедшие, ставшие почти невероятным преданием войны поглощали десятки тысяч жизней, но чувства людей благодаря автору вызывают в нас движение эмоций – улыбку, страх, сострадание, сомнение, нежность или ненависть.

Читатель, увлекшись повествованием, незаметно для самого себя переносится в совершенно другой мир. Быть может, спрятавшись за колоннадой, подслушает разговор юноши и девушки, удивившись, как похожи слова нежности и надежды, звучавшие тогда и сейчас. Подсмотрит украдкой, как святыня их глаза, освещенные радостью соприкосновения душ и тела, и отойдет, чтобы не мешать самому прекрасному и великому чувству на земле, пока жив человек, – чувству любви, порождающей бесконечность жизни. Писателю, повествующему о судьбах людей в рамках событий глубокой древности, вполне простительно нарушить границы исторических реалий, так как чувства людей ни в какие времена не признавали ни физических, ни нравственных ограничений.

Глава 1

Римская провинция. Мезия.

Дунай. Осень 84 г. н. э.

В форпосте близ Дуная, на самой границе с Дакией, заливаемые двухнедельным дождем римские легионеры вели непрерывные строительные работы.

Непогода погрузила всю местность в омерзительную сырость и слякоть, удушливость и зловония. Преодолевая тяготы условий, восстанавливается недостроенный и брошенный на зиму лагерь.

Двум центуриям, в труде искушающим даже самые атлетические тела, необходимо перестелить крыши, натаскав для этого бревен и распилив их на доски. Заново отстроить преторий и склады, разобранные до основания местными жителями, заделать дыры защитного вала, увеличить и перестроить баню и привести в рабочее состояние трубопровод, тянувшийся от небольшого ручья, что журчит за стенами лагеря.

Старая оружейная да позабытый тир остались единственными строениями, которых не коснулась перестройка, и теперь они особняком смотрят на всех своими замшелыми бревнами.

Водой для питья и кухни снабжали два ключа, бьющие на внутренней площади лагеря. А возделанный огорожок в достаточном количестве возвращал зелень для стола, непривыкшего к изобилию.

На время ремонта и укрепления форпоста, в одном ряду с солдатами, в лагере трудились и проживали разнонациональные вольнонаемные всевозможных специальностей: каменщики, плотники, столяры, универсалы строительных профессий, а также кладовщики и писари. Все находящиеся в лагере учтены и внесены в списки у главного писаря, кудесника бумажных интриг и махинаций, опытного в своем деле человека, Тита Муллея. Вокруг рабочего места этого проныры с каждым днем увеличивались кипы бумаг, содержание которых при прочтении вызывало трудовую испарину в складках лба на почтенных лицах.

Сухая статистика, показывающая точность исполнения поставленных задач, и подробное скрупулезное отслеживание работ всего сложного «живого» аппарата, название которому – форпост, задача для людей ловких и изворотливых.

Перемирие с даками не исключало мелких стычек, а горы, чистые леса, отсутствие дорог создавали «дружелюбному» неприятелю прекрасные возможности для передвижения и засад. Царящая атмосфера вынудила старшего центуриона второй когорты I Италийского легиона Марка Скатолу одновременно следить за внутренним укладом лагеря и за обстановкой за его стенами, заниматься сбором информации, ведя разведку на большой и труднопроходимой территории. Две прошедшие недели полны тягостных и неутешительных известий. Почти у самого лагеря пропала целая декурия во главе с деканом, занимавшаяся рыбной ловлей. В основной лагерь I Италийского легиона, что находился в десяти километрах южнее, с утренней почтой был отправлен контубернал, об участии которого пришлось догадаться по вернувшейся без всадника лошади, седло было изрублено, а уздечка и повод изорваны, на животном виднелась запекшаяся кровь.

Под командой «старой лисы» Галерия Цецины пару дней назад покинула лагерь разведка, состоящая из пятидесяти опытных всадников, ушедшая вниз по течению, и безмолвно пропала в этих проклятых кущах. На смену им вела подготовку полусотня Асиния Помпония, их заданием было обследовать территорию вверх по реке.

В размышлениях о происходящем тяжелой поступью Скатолу поднялся по скрипучим ступеням к частоколу, махнул рукой «вольно» часовому, сделавшему к нему несколько шагов.

Часовой Квинт Пеллион, солдат, принадлежащий третьей центурии Марка Статия, что большей частью своей в этот день находилась в охране лагеря. Солдат вернулся под навес и, повернувшись вполоборота, продолжил наблюдение за дорогой, ведущей к лагерю с юго-западного направления.

По-прежнему лил дождь, то замирая, то вновь усиливаясь. Тяжелые капли барабанили по каскам солдат, создавая монотонный, унылый мотив, диссонансом которому служили водяные струи, въедающиеся в перекрытия из свежего дерева, старые же постройки, уже претерпевшие все неистовства здешнего климата, стойко переносили сырость и промозглость.

Укутавшись в плащ от порывов пронизывающегося ветра и оперевшись на острие частокла, Скатала вновь погрузился в прерванные часовым размышления: потери составляют одиннадцать человек, и пока он не может найти ответы на вопросы, тяжело пульсирующие в его голове.

Бесспорным фактом, заменяющим многие «почему», остается лишь осознание, что все вокруг находится в состоянии войны, кровавой и беспощадной, выжить в ней удастся немногим.

Трудно уложить в рассудке, что в то время, пока ему приходится решать головоломки военных стратегий, кто-то сейчас занимается, хоть и в застенках лагеря, но вполне мирным делом. Как пример, тут же на память приходит худощавая фигура Аристона, хирурга и врача легиона, грека по национальности, пришедшего сюда еще летом. Когда беспощадный бог войны не заваливает его рабочее место телами, требующими его мастерства в починке человеческих членов и органов, он, как безобидный мотылек, порхает между полянами, собирая травы для своих лекарств, мазей, различных примочек, растворов и снадобий. В его аптеке непрерывно булькал котел, разнося запахи далеко за пределы здравницы.

В помощь врачу пришлось отрядить десяток солдат, апулийцев, хорошо понимающих назначения трав и их свойства, желающих сменить тягостный труд на увлекательные прогулки с цветами и душистыми травами, коих немало росло вокруг лагеря.

А где-то сейчас пропавшая вблизи лагеря декурия. Асиний Помпоний с утра обожегал близлежащую территорию вверх и вниз по течению, ничего не обнаружил – этот факт тревожил и обжигал душу близким дыханием врага. В ближайшие дни лагерь будет полностью восстановлен, и все рабочие будут отправлены в основной лагерь к трибуну Кассию Петрею, и форпост будет усилен до когорты.

Мощный, сбивающий с ног порыв ветра резким, колким дождем неистово обрушился на Скаталу. Пытаясь уйти от ненастья, он неловко повернулся, опираясь на левую ногу, и, как молния внезапно рассекает небо от края до края, от колена все тело пронзает волна невыносимо терзающей боли, напоминание о прошлогодней стычке с отрядом даков, перебравшихся на этот берег и устроивших римлянам засаду.

Тогда когорта Скаталы была атакована при переходе ручья, зажатого каменистым перелеском. Центурия, шедшая впереди в охране, была вынуждена прижаться к основному отряду и растянуться, стараясь быстрее взобраться на бугор по неширокой дороге, пересекающей ручей и резко уходящей вверх, причудливо извиваясь. Половина когорты состояла из новобранцев, новичков в военном деле, многие из которых в строю не больше года.

Сам Скатала шел в середине первой, слыша команды Тита Валлея, командира второй центурии, в сочных выражениях непрерывно подгонявшего своих солдат. Дно пересекаемого когортой ручья было из поросших слизью булыжников, мелкой гальки и чавкающей местами глины, засасывающей ноги по щиколотку. Солдаты с трудом удерживали построение и сохраняли полное внимание к происходящему вокруг.

Скатала оступился, нога соскользнула с округлого булыжника и проехала по острым обломкам.

– Проклятье! – сорвалось у него.

Шедший впереди знаменосец оглянулся на негодующего центуриона и, подбадривающе улыбаясь, произнес:

– Командир...

Но в этот момент сзади в Скатолу ткнулся солдат, смотревший себе под ноги и не видевший остановки центуриона, балансировавшего на одной ноге; толчок был так силен, что, не схватившись Скатола за плечо знаменосца, не миновать бы ему купания. Сжав палку, центурион занес ее над незадачливым легионером, имея неистовое желание треснуть его пару раз, сделав ему внушение, о котором бы он помнил долгие годы, что в любых условиях нужно помнить о субординации и не сталкивать командира в ручей...

– Марк!!! – резкий окрик знаменосца заставил повременить с расправой и обернуться. Пары секунд было достаточно, чтобы оценить обстановку.

Немного не дойдя до верхней точки тропинки, центурия охраны увидела стремительно надвигающийся отряд варваров в полном боевом вооружении. Справа и слева от дороги с лицами, искаженными от ненависти и осознания превосходства положения, лавинообразно спускались еще две группы. Шум, надвигающийся от топота сотен ног, обрушивающихся по склону камней, поглотил все внимание римлян, их немое оцепенение дало преимущество нападающим.

Опытные солдаты головной центурии, готовые всегда и ко всему, хладнокровно метнули пилумы в варварскую массу, не выбирая особой цели.

От рассеченных человеческих тел воздух наполнился воплями и стонами раненых и умирающих, что стали живой мостовой для тех, кто двигался дальше.

Тит Валлей принял решение отступать вниз, обороняясь. Было бы безумием гнать солдат наверх, не имея возможности для главного козыря римлян – четко выстроенного строя, центурию неминуемо отбросят назад. Разумнее всей когортой отходить до более широкого места, достаточного для маневра. Воспользовавшись сумятицей, возникшей от удачно брошенных копий, Валлей выкрикнул:

– Щиты поднять! Ряды уплотнить! Всем отходить вниз!

Последние слова утонули в диком реве сотен варварских глоток. Воздух наполнился десятками стрел, копий, камней, пущенных сверху вниз в ряды римлян. Убитых было немного, а число раненых быстро росло. Численное преимущество врага было столь велико, что пущенные стрелы и копья, не имея точной цели, покрывали плотной пеленой колонну римлян. Земля покрывалась обездвиженными телами.

Скатола проревел:

– Первая! Развернуться влево! Третья вперед и направо!

4-я и временно находившаяся под командой Марка Статия 5-я центурии, находясь в более выгодном положении, использовали небольшую поляну для развертывания в боевой строй.

Конная турма кельтов, шедшая в конце колонны, выхватила луки и через головы легионеров начала обстрел группы даков, приближавшихся справа, пытаясь выиграть важные секунды для перестроения центурии. Пущенные стрелы пронзали врага, и поверженные тела устилали путь; те, кто не был ранен смертельно, умирали, втоптанные заживо в грунт под ногами еще уцелевших и в ярости метавшихся из стороны в сторону. Осиний Федр, командир конной турмы, крикнул только одно слово:

– В лагерь! – И сразу же пять последних всадников без промедления понеслись по оставшемуся свободному отрезку дороги. Они направились в сторону лагеря легиона II Адьютрикс, стоявшего приблизительно в пяти километрах от развернувшегося сражения. В их сердцах теплилась надежда на помощь, призрачная, почти неуловимая, болью сдавливающая грудь, эта надежда придавала им сил как единственное, к чему можно взывать.

До коридора, образованного 1-й и 3-й центурией, добралась лишь половина 2-й, увеченные и изможденные, стеной щитов они прикрыли фланги стоящих в ручье.

Скатала, находясь в самом пекле развернувшегося сражения, улавливал каждую песчинку на этих беспощадных страшных весах смерти и жизни. Ни одна деталь не ускользала от него, Скатала подбадривал каждого, в ком пошатнулась уверенность и кого покидали силы. Четкие команды, произносимые его уверенным, сильным голосом, сплачивали легионеров в единое целое.

– Держать строй! Держать строй! Ребята! Щиты в линию!

Давящая сила даков нарастала с каждой минутой, используя численный перевес и выгодную позицию, они старались обойти когорту по флангам и замкнуть ее в кольцо.

Марк Статий, развернув свои центурии, отбрасывал небольшие группы, не давая им заходить в тыл отступающим. Он запретил замыкающей центурии метать копья, приберегая их на резерв.

Легионеры, оберегая друг друга, быстро приходили в себя от неожиданного нападения, все более хладнокровно наносили острием меча и копья короткие колющие удары, понемногу отступая.

Даки, используя свои копья в первые минуты боя, неистово рубили длинными мечами, в давке и толчее нанося раны своим же соплеменникам.

Против остатков центурии Валлея дрались страшные фалксмены, сильнейшие из воинов даков, в знак своего бесстрашия и презрения к смерти выходившие на бой полуобнаженными, не надевая доспехи, которые бы мешали им действовать оружием, по названию которого они были прозваны. Фалкс – серповидное лезвие, заостренное по внутренней кромке и насаженное на длинное древко. Каждый удар ломал и кромсал щиты, человеческая плоть пронзалась как масло.

Неистовый вой и рев даков, казалось, давил на легионеров; когорта, уплотняясь, сползала вниз по дороге.

Сражаясь в первом ряду, Валлей чувствовал за спиной руку знаменосца Авла Пеллиона, оберегавшего жизнь командира от коварных ударов в спину и дублировавшего команды Скаталы голосом и штандартом.

Удерживать столь превышающие силы не помогало ни мужество, ни стойкость римлян, эти качества помогали лишь оказывать стойкое сопротивление, не давая растерзать себя, как кроликов.

Понемногу остатки когорты сползли вниз по дороге, которая расширялась и становилась более пологой, выходя на небольшую поляну, но варвары насакивали дикими псами, не позволяя перевести дыхание и перестроиться.

На вершине холма, находящегося с правого фланга от отступающей когорты, сражение наблюдали два человека, отделившиеся от группы всадников.

Один из двоих был человеком невысокого роста, но крепкого телосложения, с широкой грудью и сильными мускулистыми руками. Скуластое лицо правильной формы выделял большой нос, густые черные брови дугой и карие глаза с острым, властным и не ведающим пощады взглядом. Голову венчала копна темных как смоль кудрявых волос. Губы скривились в презрительной полуулыбке. Это Мукопорис, предводитель группы даков. По римским меркам он был одет невзрачно. Ветер раздувал на нем широкую рубаху из грубого волокна, подобранную кожаным поясом на бедрах, свободного кроя штаны, заправленные в высокие сапоги, перетянутые ремнями, и куцая шапчонка на голове. Взгляд останавливался лишь на массивном золотом браслете, на запястье левой руки.

Внешность же второго обличала в нем сармата. Он был на голову выше Мукопориса. Жилистое тело и грудь закрывала кожаная кираса, поверх которой свисала серебряная бляха с изображением оскаленного волка.

Ноги от колен до пят были покрыты попонами. Обветренное смуглое лицо с раскосыми маленькими глазками и сплюснутым носом выражало непримиримость и ненависть. На голову был надет плоский шлем с бармицей, закрывающей нос; волчий хвост, свисающий со шлема на затылок, был переброшен через плечо на грудь.

– Посмотри, Ахтор, как стремительно они отступают.

– Но это еще не победа.

– Надо рубить их, не дав им возможности перестроиться. Ты нанеси удар всей своей сотней в центр, прорвавшись во фланг и тыл, порешим их в несколько минут.

– Неплохо, Мукопорис, еще пара таких побед, и легат Оппий Ауфидий разорится на похоронных урнах.

– Ха-ха, я подарю ему все имеющиеся ночные горшки.

– Дай знать своим людям об атаке моей конницы.

– Мой рог воззовет даже мертвых.

Ахтор, предводитель сарматской конницы, ловким прыжком вскочил на спину лошади и вдел руку в лямку небольшого круглого щита с той же символикой, что и серебряная бляха на груди.

Отъезжая, обернулся:

– Все оружие будет моим, Мукопорис.

– Мне нужны лишь их головы, одену на шесты и выставлю вдоль берега.

Ахтор, осклабясь, крикнул:

– Атака по сигналу.

Фалксмены, возглавляемые Лупером, теснили римлян к поляне. Зная об атаке тяжелой конницы, он немного ослабил натиск, готовясь поддержать сокрушительный удар сарматов.

Осматриваясь поверх рядов сражающихся, он видел две центурии, еще не до конца вымученные сражением, способные дать отпор. Видел конную турму кельтов, что, улучив небольшую свободу маневра и оценив нападающих, выбивала стрелами фалксменов. Горячая струя крови, окропившая лицо, переключила внимание Лупера на центуриона в первом ряду, жестоко наносимые удары которого резали глотки, вспарывали животы, отрубали руки и ноги. Взгляды этих двух сильных людей встретились, в глазах каждого читался приговор – смерть – и бесстрашие перед судьбой. Лупер сжал оружие так, что от напряжения побелели пальцы, и сделал крадущийся шаг вперед. Римлянин, тяжело дыша, выжидал, опустив меч к бедру, внимательно следя за Лупером, все его существо сжалось в тугую пружину, готовую разжаться в мгновение. Лупер выпрыгнул вперед, нанеся мощный удар сверху вниз, римлянин уклонился, послышался ухающий звук – промах! Лезвие вошло в землю, звякнув о камень. Центурион, уклонившись, ударил Лупера ногой в лицо. Задышавшись от злобы и жажды мщения, тот без замаха нанес обманный удар тыльной стороной фалкса и полоснул острием.

Тит Валлей почувствовал, как в левом боку что-то разорвалось, захрустело, как багряная кровь потекла по ноге, как вместе с неистовой болью пришло облечение, успокоение в мыслях, легкое забытие...

Сквозь пелену в глазах он видел своего противника и тех, для кого этот бой еще не окончен. Дикая звуковая картина сражения стала для него затихать, он издал сдавленный вздох и стал заваливаться набок. Взмахнув фалксом для добивающего удара, Лупер отшатнулся назад от молниеносного выпада знаменосца, острие римского меча отсекло часть верхней губы и выбило передние зубы, рот сразу же наполнился густой кровавой пеной. От резкого движения назад Лупер споткнулся и упал на спину, в это мгновение он услышал рог Мукопориса, сигнал к атаке сарматской конницы.

Центурии, выдвинутые из теснины дороги на поляну, выравнивали ряды, выстраивая единую стену из щитов. В привычном построении умение и опыт каждого сливались в мощ-

ную защитную силу против превосходящей численностью, но беспорядочно атакующей толпы варваров.

Скатола понимал зыбкость наступившего равновесия.

Подавляющий волю звук боевого рога эхом пронесся между холмами. Топот надвигающейся конницы сарматов, сопровождаемый свистом, гиканием, бряцанием оружия, стал продолжением дикого призыва к бою. Воздух наполнялся тлетворностью человеческой крови, ревом, лязгом, дикими криками сражающихся, воплями раненых, хрипами и проклятиями умирающих...

...Тяжелая конница сарматов пробила центр поредевших центурий, большей частью своей устремясь на две центурии Статия, остальные сталкивали римлян к флангам, окружая и ломая остатки строя.

– Всем! Копья в конницу!!! – что было сил заорал Статий. Десятки нерастраченных копий полетели в голову атакующей конницы, впиваясь в тела лошадей и всадников. Раненые животные падали, увлекая за собой людей; уцелевшие лошади, не имеющие седока, с диким ржанием металась по телам, дробя кости и головы раненым и умирающим. Воцарившийся хаос ослабил пробивную мощь конницы.

Лошадь Ахтора, сваленная двумя копьями в шею, перевернулась и скинула всадника немного правее от общего потока. Ахтор ударился грудью с такой силой, что не мог ни вздохнуть, ни приподняться, чтобы понять происходящее вокруг.

Образовав квадрат, центурии Статия пытались удержаться и прийти на помощь своим товарищам, уже полностью окруженным.

Турма кельтов, побросав луки, мужественно рубилась с сарматами, то отбегая, то приближаясь к центуриям Статия, кельты оттягивали на себя часть нападающих, но не могли помочь большим.

Марк Скатола, оттесненный на левый фланг, отбиваясь сразу от нескольких даков, мучительно осознавал, что остаткам его когорты не продержаться долго без помощи извне...

...Две сотни Галерия Цецины столкнулись с пятью всадниками-кельтами на равнине близ моста, в двух километрах от места сражения. Декурион кельтов на вполне сносной латыни объяснил Цецине, где когорта попала в засаду.

Недослушав декуриона, Цецина развернул свой отряд на помощь Скатоле. Место, где шло сражение, было хорошо знакомо Галерию Цецине, ему не единожды приходилось проходить его, и сейчас, отправляя кельтов в лагерь легиона, он понимал, что это бессмысленно, вся конница находилась под его рукой, а помощь легиона придет спустя лишь пару часов. Перед Цециной стояла нелегкая задача. Гнать животных по восходящей дороге означает запалить их, лишаясь атакующей силы; неспешность и промедление делают бесполезным его прибытие, ибо защищать уже будет некого и он сам подвергнется нападению...

Две центурии Марка Статия отбивались из последних сил от превосходящего противника. На левом фланге штандарт Авла Пелиона показывал, что окруженные еще не вырублены до конца и продолжают сопротивляться, правый Статий не видел и понимал, что там дело совсем худо.

Знаменосец Статия умер мгновенно, пораженный несколькими ударами одновременно. В сутолоке и давке штандарт не был подхвачен, и его втоптали в кровавое месиво под ногами. Опцион на другой стороне квадрата поддерживал мужество и дисциплину солдат, но вид падающего знамени всегда действует угнетающе.

Более половины легионеров были еще не окрепшими в боях новобранцами, недостаточно опытными и стойкими, в их глазах все быстрее нарастал ужас смерти, движения становились все более нервными и неуверенными, строй ломался, и римляне сбивались в кучу...

...Сквозь яростный, но все же монотонный шум сражения Скатола услышал неясный, но хорошо узнаваемый топот несущейся галопом конницы, приближающийся со стороны дороги, по которой пришла когорта.

Мысль о том, что это резерв сарматской конницы, придала Скатоле мрачной решимости отчаяния. «Только не плен, лучше смерть, избавляющая от позора и лютых пыток варваров, – мелькало в голове Марка. – Только не плен, только не плен...»

Конный отряд Галерия Цецины максимально быстро, но все же экономя силы, добрался до места, занял выгодную позицию за изгибом дороги, поросшей густым лесом. Нужны минуты для разведки, перестроения и большого вдоха перед вступлением в сражение. Сквозь листву деревьев хорошо были видны спины ликующих даков и отчаянно и безнадежно защищающихся римлян.

Обернувшись к командиру 2-й сотни Асинию Помпонию, Цецина произнес:

– Если засаду обнаружить и ударить по ней, она понесет такой же урон, какой сама желала причинить.

Помпоний, один из тех железных людей, что шутят даже перед лицом смерти, ответил:

– Командир, я бы записал твое мудрое изречение, да сейчас не на чем.

– Вернемся в лагерь, я повторю. Я рву кольцо вокруг ближайшей группы, ты же на помощь дальней. Все. В атаку!

Даки, уже уверовавшие в победу и со спины ожидавшие только своих, были потрясены внезапностью атаки римской конницы. Удар был настолько мощным, что ни убежать, ни защищаться даки не могли, сбитых с ног затаптывали, других рубили и резали, как овец.

Давка и зловоние испражнений от ужаса, вспоротых животов, размозженных черепов, отсеченных конечностей, казалось, повисли над полем боя смрадным туманом.

Волна удара прокатилась по всей массе сражающихся. Те из варваров, что были ближе к ручью и добивали остатки центурии Скатолы, решили, что конница – это авангард наступающего одним богам известно каким образом примчавшегося сюда легиона, и кинулись через ручей вверх по склону. Другие, растерянные от столь быстрого перехода от нападения к необходимости защищаться, были растеряны и не оказывали сколько-нибудь достойного отпора коннице и получившим свободу центуриям Марка Статия...

...За несколько минут сражение было закончено. Помпоний умчался по дороге за убегающими варварами, гоня и вырубая все и всех в азартном восторге.

Галерий Цецина совместно с Марком Статием выясняли потери в когорте, попутно добывая тяжело раненных даков. Не сразу нашли Скатолу, его тело было зажато упавшей на него лошадью и несколькими телами изувеченных легионеров и варваров. Он был в сознании, но тело ему не подчинялось, любое движение отдавалось острой болью в ногах. Тит Валлей подавал надежду на жизнь, но от потери крови был слабее ребенка. Погибли все опционы, легионеров без ранения не набралось и двух десятков. От численного состава когорты осталась едва половина, всадники кельты, поддерживая честь рода, погибли все до единого, оставив о себе добрую воинскую память.

Оставшиеся в живых легионеры с трудом передвигались, изнемогая от ран и усталости, на их лицах радость победы еще не стерла дыхание близкой смерти. Марк Статий и Галерий Цецина подошли к сидящему на земле Ахтору, пытающемуся прийти в себя от удара о землю. Марк пнул сармата в бок.

– Может, перерезать ему глотку да и в общую кучу?

Цецина, внимательно осмотрев повалившегося на землю, заметил:

– Взгляни, Марк! – наступив Ахтору на ногу, произнес он. – Такие поножи и бляху не носят простые воины.

Брезгливо одернув ногу, демонстративно обтер сандалию и продолжил:

– Заберем его с собой, а в дальнейшем решим, что с ним делать.

– Как знаешь, Галерий, у меня и без него головной боли хватает.

Статий повернулся:

– Эй! Ребята! Забирайте эту пададь с собой

Вернувшийся отряд Помпония пригнал пленных и десяток телег от брошенного обоза.

Через несколько часов конница Цецины и остатки когорты Скатолы смогли тронуться в сторону расположения легиона. Колонна напоминала передвижной госпиталь, а не воинское соединение. На почерневшей от крови и испражнений поляне дымились погребальные костры, в которых, переложенные бревнами и ветками, догорали тела павших товарищей.

Убитых даков набросали в несколько куч и, наспех подсчитав, подожгли.

С холмов сползала сырая мгла, примешиваясь к дыму костров, наполняя местность удушливым смрадом и еще чем-то тревожным, что притаилось в сумраке наступающей вечерней зари...

Погрузившись в эти воспоминания, Ската не чувствовал ни порывов ветра, срывающих плащ, ни ледящего дождя, делающего почву непригодной для передвижения, а жизнь невыносимой. Не замечал размеренного шума строительных работ. В эти минуты он имел вид человека, отрешенного от внешней жизни и стоящего на краю огромной бездны, оборачиваясь на пережитые годы и тщательно вглядываясь в будущее, тягостно тревожащее своей неизвестностью...

– Командир! Командир!

Ската вздрогнул от резкого окрика часового.

– Командир! Движение на дороге!

Центурион обернулся в сторону леса, в котором виднелась просека, прорубленная еще в прошлом году, по сути небольшая тропинка, расширенная до дороги на одну повозку и немного выпрямленная, где было возможно, сил на все не хватало, солдаты и без того к вечеру валялись с ног.

Часовой продолжал:

– Командир, я должен доложить дежурному!

Внимательно всматриваясь в неспешно выходящую конницу, Ската устало произнес:

– Это Цецина, встречу их сам.

Но Квинт Пелион не унимался:

– Что-то я не помню, чтобы они уходили с обозом.

Ската не обладал таким острым зрением, как часовой, и только спустя несколько мгновений сумел различить несколько низких и коротких повозок, где роль возничих выполняли кавалеристы, привязав своих лошадей за управляемые ими повозки. Центурион нахмурился, в груди что-то ворочалось и скреблось от нелегких предчувствий, чего можно еще ожидать в этой дыре на краю света.

Он произнес вслух:

– Я вижу много свободных лошадей, значит, у нас потери.

Желая поддержать Ската, часовой тут же ответил:

– Живых больше, командир, да еще и обоз.

Марк понял, что в разговоре с часовым допустил чувственность в высказывании, и поэтому хладнокровно произнес резким голосом:

– Всегда помни, солдат, что караульная служба – это основа основ всей службы.

Быстро спустившись по лестнице, скорым шагом направился к воротам. Как ни быстро шел Марк Ската, в открытых наполовину воротах Галерия Цецину встречал Асиний Помпоний, иронично приветствовавший Галерия.

– Как прогулка? Я вижу повозки, мой дорогой Галерий, не означает ли это, что ты решил сменить военную службу на прибыльную торговлю? Не забудь и меня взять в компаньоны.

– Да, решил попотчевать вас местной кухней, ваши постные серые лица говорят мне, что вы устали от фазанов и ягнят, пора позаботиться о ваших утробах, – ответил Цецина зубоскалу и, повернувшись к подоспевшему лагерному врачу Аристону, продолжил:

– У меня несколько раненых, один тяжело.

Запыхавшийся от быстрой ходьбы грек кивнул головой и, не задавая никаких вопросов, тут же занялся теми, кто требовал его внимания и ухода.

Заметив приближающегося Скатолу, Цецина спрыгнул с лошади и, не выпуская из рук повод, сделал несколько шагов навстречу центуриону.

– Аве, командир. Вернулись почти без потерь, да еще прихватили с собой кое-что, не возвращаться же с пустыми руками.

Скатала не был расположен к шуткам, хмурое выражение на его лице не менялось.

– Если нет новостей, требующих незамедлительного внимания, то после приведения себя в должный вид жду твоего рапорта.

– Мне есть что тебе показать.

Они вместе проследовали к последней повозке. Цецина откинул тряпичное полотно. Под ним было сокрыто обезглавленное тело посыльного, одежды на убитом не было.

Галерий начал было:

– Возвращаясь, мы обнаружили этого несчастного почти у самого лагеря.

Но жесткий вопрос Скатолы прервал длительное объяснение.

– У дороги? В лесу?

– На дороге. Распятого по всем правилам на кресте.

Скатала одернул тряпку, прикрывая тело.

– Где голова?

– Тут же, в повозке.

Асиний Помпоний, стоявший рядом, произнес:

– Он был одним из лучших моих кавалеристов, едва исполнилось 19 лет.

Центурион сжал губы и, глубоко вздохнув, проговорил:

– Через час жду для полного доклада.

– Да, командир.

Цецина поморщился, он не был в непосредственном подчинении у Скатолы, но считал необходимым, а иногда даже удобным, соблюдать субординацию и порядок.

Смывая с себя раздавленных насекомых, гнилостный запах преющего леса и налипшую грязь, Галерий обдумывал доклад касательно вообще-то рядового разведывательного рейда. Важно не ошибиться в оценке происходящего. Здесь, за стенами лагеря, в окружении привычно размеренного уклада, под струей горячей воды достигается зыбкое душевное равновесие.

Свежие одежды приятно облегчают тело, получившее впервые за несколько дней долгожданное отдохновение. Найдя себя вполне сносным для обсуждения произведенных действий, Цецина в сопровождении Асиния Помпония привычным шагом, исполненным спокойствия и внутреннего достоинства, направился в палатку центуриона. Придя, обнаружил Скатолу по-прежнему мрачным в обществе Марка Статия, лицо которого выражало полное безучастие к невеселым мыслям своего собеседника.

Отпив несколько глотков разбавленного вина из глиняной кружки, предложенного Статием, сел рядом, придвинул плошку с рыбой. Пожевав немного, отодвинул:

– А рыбка-то не соленая.

Пододвинул к себе мясо в укусе, сыр и хлеб и принялся неторопливо жевать, глядя перед собой.

Скатала не торопил его, они служили вместе вот уже десять лет и хорошо понимали состояние и настроение друг друга. Несколько насытившись, Цецина, наконец, произнес:

– С полной уверенностью можно сказать лишь то, что варварское гнездо пришло в полное движение. Дороги небезопасны, судьба несчастного паренька это подтверждает. Они передвигаются по ночам, перебираясь на наш берег для засады и разбоя, обнаружить и поймать их возможно только случайно, кстати, повозки с провиантом как раз тот случай. Улучшить наше положение не поможет и растянутый вдоль берега легион. Мы плохо знаем местность. Мы передвигаемся, словно слепые котят, на ощупь.

Конечно, золото и хорошие посулы развяжут пару—тройку языков, но верить словам, произнесенным за денарии, нельзя, а вот что они знают о нас все – в этом нет никаких сомнений, последняя паршивая овца в самом захудалом стаде может быть шпионом Децебала.

Галерий тяжело втянул в себя воздух и, немного помолчав, спросил:

– Тела пропавших солдат найдены?

– Ни единого, – ответил Скатола, – надеюсь, они погибли, сражаясь, а не были истерзаны пытками.

– Я вижу, лагерь почти восстановлен. Когда ждем пополнение?

Палатку заполнила речь Скатолы. Выверенные фразы, отсутствие примеси лишних переживаний и осмыслений, четкость и жесткий расчет слышались в каждом слове. Речь человека, не привыкшего рассчитывать свое время на витиеватость философов.

– Работы будут завершены к завтрашнему вечеру. Утром следующего дня под охраной центурии Статия строители будут отправлены в лагерь. Помпоний, твоя задача – завтра на рассвете, забрав раненых и почту, уйдешь в лагерь легиона. Послезавтра утром выйдешь встречать центурию. Вернетесь все вместе, с пополнением.

Поставленная логическая точка в речи Марка Скатолы дала понять Асинию Помпонию, что он уже получил свои указания и должен удалиться для исполнения. Тот немедленно вышел, спеша объявить своим кавалеристам о возложенных на них задачах. В душах некоторых из них воцарилось ликование. Люди были рады сменить обстановку, бесконечное выжидание чего-то, бесследное исчезновение товарищей, нелепые смерти, темные пространства окружающих лесов угнетали многих, вызывая непреодолимое чувство тоски и безотчетного страха. Напряжение этих недель хотело вырваться наружу, жаждало осмысленных действий и наступления определенности.

Цецина обратился к Скатоле:

– О чем думаешь, Марк?

– Думаю, что наш император Домициан столь сильно вожделеет лавры победителя даков, а видения золота этой земли столь прочно заменили ему сладострастные ночные пожелания, что он готов выстелить путь к обретению заветного кровавым месивом из погибших армий. А чтобы отвлечь римлян от ненужных мыслей по поводу его законного правления, нужны победные шествия по *via Sacra*.

От внутреннего отвращения центурион сочно сплюнул в земляной пол.

Молчаливый до этого Статий заметил:

– Многое зависит от того, что вкрадчиво ему нашепчет Корнелий Фуск.

Цецина оживился.

– Ты знал его прежде?

– В западной Киликии служил под его началом.

Скатола заинтересовался, из чего скроена обсуждаемая личность:

– Чего можно ожидать и на что лучше не надеяться вовсе?

– Человек подлый и хитрый, умеющий воспевать себя даже на бездарно загубленных солдатах и гниющих армейских потрохах. Любое поражение возведет до фарса, а в подходящий момент прольет горестными слезами о доблестно сражавшейся и безвозвратно потерянной армии. Я бы доверил ему покой императора или гарем, но армию... он способен загнать всех в ближайшее болото, а потом объявить торжественно и напыщенно: «Армия погибла,

сражаясь во славу Рима». Всегда держится в стороне, вперед не выходит, руководит из тени. Надеюсь не увидеть здесь его штандартов.

Свою речь Статий прервал аппетитным хрустом сочной луковицы и, завершив, как ему думалось, ужин, решил оставить общество, ссылаясь на занятость и усталость.

Вслед за Статием и тело Цецины возжелало объятий Морфея, напоминая о себе ломотой в спине и отечностью ног. Походная койка в его воображении представлялась пышными перинами парфянского царя. И тяжело распрямляя затекшее тело, произнес свой неутешительный вывод:

– Я все больше убеждаюсь, Марк, что война Цезаря в Галии покажется нам репетициями учебных лагерей в сравнении с той будущностью, что нас ожидает здесь, на Дунае. Даки – это страшный враг, дальше на север и восток племена сарматов и еще каких-то народов, которые нам не ведомы, нам еще предстоит встретиться с ними, и я не знаю, победит ли наше оружие или уничтожат нас, боги скрывают будущее.

Вместе выйдя из палатки, поприветствовали друг друга, и каждый направился в сторону влекущих забот. Галерий, тяжело переступая, неспешно направился к расположению своей конницы, а Скатала в глубоких раздумьях поднялся на стену, чтобы еще раз обойти лагерь по периметру.

В небе сплошные серые тучи рвались на небольшие седые облака, дождь прекратился, а огненные лучи заходящего солнца окрашивали левый берег Дуная зловещим багрянцем. Скользя по краям холмов, лучи создавали иллюзию ожившего леса, словно тысячи глаз одновременно ловят каждый твой вздох, следят за тобой в эти минуты. Невольный озноб волною пронзает все тело.

...Спустя три дня, еще солнечные лучи не осушили обильную утреннюю росу, лагерь уже был наполнен звуками военного быта: первые переругивания, звон загремевшего котелка, опрокинутого ногой в исступлении гнева, хлесткие затрешины не уразумевшим сказанное вышестоящим с первого раза. Начиная с вечерних сумерек, в течение ночи и до ранней зари на стене лагеря можно было наблюдать фигуру одного и того же человека, резкие беспокойные движения которого говорили о нервозности, не имеющей выхода.

Не спавший несколько дней Скатала продумывал решение возложенных на него задач, он вникал во все мельчайшее, происходящее в лагере, отчего жизнь простому солдату казалась еще невыносимей. В эти дни в лагере установилась жесточайшая атмосфера нетерпимости к отклонениям от устава караульной службы. Не было никого, кто бы праздно проводил свое время. Казалось, что даже вольные птицы не могли пересечь лагерь, не спросив разрешения у Скаталы.

Еще поутру солдаты радовались, что минули дожди, но к полудню уже кляли пришедшую духоту и жаждали от нее избавления.

Невзирая на иссушающий зной, Скатала расхаживал по стене в полном боевом вооружении. Горячий ветер жаром обдувал его, неся неведомые запахи чужой земли. Не замечая гула в голове от бесконечных ночей, боли в воспаленных глазах, шурясь, Марк пристально всматривался в даль уходящей дороги.

Наконец-то увидев авангард центурии Статия, выходящий из леса, Скатала почувствовал, как ликование охватило все его существо, как вразной в измученных членах его тела пульсирует сердце. В немом оцепенении от навалившейся разом усталости он наблюдал, как на горизонте вырисовывается вся когорта. За ней кажущийся бесконечным обоз и замыкающая колонну конница. Когда же колонна вступила в лагерь, из душ солдат, оставшихся в лагере, стали вырываться радостные приветствия, шутки, атмосфера лагеря наполнилась смехом, растворяя нависшую обреченность и угнетающую неуверенность. Слух солдат услаждал нарастающий гам от мерного скрипа колес от повозок, топота копыт, бряцания оружия и амуниции, даже лошадь, навалившая большую дымящуюся кучу почти на сандалии Марка Скаталы, была

прощена и лишена вразумлений плетью. От всеобщей радости и единения простым солдатам хотелось побыстрее охлопать своих товарищей по плечам, собирая с их одежд завидную долю дорожной пыли и соленого пота.

Рядом со Скатолой стоял Цецина, нетерпеливо вглядываясь в хвост колонны, ему было видно, что, несмотря на близость лагеря, всадники были насторожены и внимательны. За спинами Марка и Галерия сутился Тит Муллей, привставая на цыпочках, он бесконечно выглядывал то из-за левого плеча Скатолы, то из-за правого Цецины. Муллей перебирал в руках бумажные свитки и издавал тяжелый вздох, наскоро оглядев объем документов. Вся колонна представляла для него не людей, обоз и конницу, а идущие в ряд кипы официальных и неофициальных бумаг. Его глаза вместо легионера видели врачебные осмотры, направления новобранцев и послуживших солдат, расписание дежурств, ежедневные списки паролей часовых, записи уходов и прибытий, списки составов, персональные карты на каждого, где до мельчайших подробностей расписана жизнь ее обладателя от геройских поступков до количества поносов, и еще, и еще, и еще. Он видел перед собой стопами сложенные бумаги, требующие его обязательного прочтения. Может, и лишнее добро отыщется, наградив тем самым Муллея за сей тяжкий труд. Не смыкая глаз, выискивать его, это лишнее, да еще сберечь от жаждущих наживы чужих лапищ – дело, требующее скрупулезности и хорошего навыка.

К встречающим когорту присоединился и врач Аристон, его спокойный взгляд хирурга, много повидавший на своем веку, пытливо скользил по проходящим, как бы заранее определял своих будущих пациентов. Когда в воротах показалась санитарная повозка, Аристон, забыв про невозмутимую личину, почти с нежностью стал оглаживать присланное для него из лагеря легиона.

Марк Статий, поравнявшись со Скатолой, уже открыл рот для официального доклада, но был прерван резкой фразой:

– После, после, размещай людей!

Ворча себе под нос, Статий занялся размещением прибывших.

Теперь, когда жизнь до краев заполнила лагерь, организованность и дисциплина римских подразделений проявилась со всей очевидностью.

Несмотря на то что численность форпоста увеличилась в несколько раз, не было и намека на суету и неразбериху. Каждая центурия знала свое место, пришедший отряд военных инженеров занимал несколько палаток рядом с мастерскими, а повозки ровными рядами выстраивали на подготовленном участке, рядом с тиром, для лошадей вдоль стен устроили стойла.

Форпост копировал стандартный военный лагерь, но был намного меньше и не имел домов для командира легиона, его штаба и трибунов, но при этом вмещал в себя виа претория и виа принципалис, делящие лагерь на равные части.

В качестве тягловой силы в основном использовались мулы, но в повозках военных инженеров Вибия Бальбила и Амулия Тарквина Скатола увидел невысоких испанских лошадей гаррани, они были очень выносливы к далеким переходам и изнуряющим маршам.

Увидев центуриона, Бальбил и Тарквин спрыгнули с повозок и радостно воскликнули:

– Марк! Галерий! Приветствуем вас!

Скатола улыбнулся:

– Как отпустил вас Опций Сабин. Уж не сбежали ли вы? Может, нам ожидать гневного окрика легата?!

– Прослышав про твою полную веселья жизнь, попросились сами. Мы-то думали, у тебя тут несколько палаток в поле, обнесенных частоколом, чтобы лошади не разбредались, и проделали это тряский, утомительный путь, чтобы помочь тебе советом и руками, а ты выстроил крепость, лишив нас работы.

– Ну, об этом не стоит так убиваться, учитывая возросшее количество голодных ртов, нам совершенно не лишними будут две пары рук на нашем огороде, на свежем воздухе можно вволю предаваться мечтам и планам на будущее. Как вам такой расклад?

– Что же, духи зависти не лукавили, говоря, что, отгачивая свой меч, ты и о языке не забываешь. Ждешь в гости царя даков?

– Гостей у нас много, да все незванные и невидимые. Что же духи зависти вещают о жизни дражайшего победителя хаттов, императора Домициана?

– В горниле этих духов отчеканено вот это, – ответил Тарквин, протянув Скатале монету.

Взяв ее в ладонь, внимательно прочитал – «Побежденная Германия», – усмехнулся и, отдавая обратно, с горькой иронией заметил:

– Надпись смердит, как полежавшая падаль, а нам предлагают проглотить это как вкуснейший деликатес. Радует лишь то, что у нас не будет зуда от северных соседей. Располагайтесь, Статий покажет, где поставить повозки. Освобожусь, подойду, взгляну на ваше хозяйство.

Оставив на время дела военные, Скатала приступил к решению гражданских.

Вслед за поступью римских калиг, а чаще и опережая их, даже в самые отдаленные уголки изведенного мира тянулись неспешные обозы торговцев, оживляя и внося разнообразие в воинский быт римского legionera и варвара. Каждый человек независимо от своих убеждений или вследствие таковых найдет нужду в каком-либо товаре, и то, на что в большом городе человек и не взглянет, здесь, на краю земли, приобретало особенную значимость.

Кроме того, любой торговец был носителем всевозможных слухов и самой разнообразной информации, среди которой возможно отыскать и важную, если сумеешь отбросить наносную шелуху, в которую облечена любая мелочь, дабы придать ей товарный вид и продать подороже.

Приобретая товар, можно заслужить некоторое расположение, и тогда за стаканчиком сладко-терпкого вина и кусочком пахуче-душистого сыра, привезенного, если верить торговцу, из самой Кампании, чтобы тебя побаловать, можно услышать не только о далеких землях и удивительных событиях прошлого и настоящего, но и узнать, что произойдет здесь, под самым твоим носом, в ближайшем будущем.

Где еще встретит солдат ласковое и приветливое лицо, как не в торговом ряду, где ему всегда рады, выдавая перебродившие винные остатки за настоящее фалернское, которого уже осталась, конечно же, последняя амфора. Нередко можно отыскать и житейские мелочи: ремешки из кожи, иголки, хорошую бритву, отсутствие которой в солдатском мешке непременно взыщется дотошным центурионом, теплые нашейные платки, шерстяные носки и прочие мелочи. Самый ненужный и залежалый товар со всех городов империи возможно встретить близ военных лагерей, какими бы маленькими они ни были. Для более грамотных солдат, еще не потерявших интерес к другой, не военной жизни, отыщутся свитки, описывающие исторические события или инженерные новинки. Для тех, кто жаждет усладить возбужденную плоть, найдутся и таковые. Торговцы знают, что именно в удаленных уголках меняются ценности и приоритеты, и потому не стесняются называть цену, за которую в городах их спины приняли бы плату из хлестких ударов плетью и палками.

К гражданским делам Скатала отнес ненавистное ему общение с представителями торговли. Их обозы стекались под стены лагеря. Выбрав место для расстановки рядов, центурион произнес речь, в которой не скрывал своего отношения к слушавшим его. В речи кратко объявил всем небольшой свод правил, регулирующий жизнь поселения в целом.

Марк считал любых торговцев лишаями на стенах лагеря, вносящими суету и тлетворно влияющими на военную дисциплину, но был не в силах повлиять на их появление, так как часть денег от прибыли оседала в карманах сенаторов и всадников. Торговцы, как назойливые мухи, осаждали все, что несло хоть малейший доход. Ответом на речь центуриона были понимающие взгляды, заискивающие заверения, предложения разжиться чем-либо полезным в качестве подарка, лстивые речи, жеманные гримасы и услужливые спины.

Презрительно осмотревшись, центурион напомнил, что является здесь единственной решающей и вершащей суд силой, органом власти, отвечающим за человеческие судьбы.

Убедившись, что речь его достигла до самых слабых умов, поспешил удалиться и скрылся за воротами лагеря.

...Утром следующего дня, после всеобщего построения когорты и решения рутинных, повседневных вопросов, которые неминуемо возникают в местах скопления большого количества людей, Скатала заглянул к Муллею выяснить, какие бумаги нуждаются во внимании, а с чем можно обождать.

Муллей ткнул пальцем.

– Это от Оппия Сабина, – палец описал дугу и ткнулся в десяток свитков на другом краю стола, – а это необходимо подписать.

Центурион машинально проводил руку писаря взглядом, отметив появление на пальце перстня с большим красным камнем. Сломав печать со знаком легата, быстро пробежал глазом свиток и тяжело вздохнул.

Муллей оторвался от своей чернильницы.

– Что-нибудь важное?

– Ага, инструкция, как, обделавшись, не замараться. Отметь «прочитано» и выбрось в нужник. С остальным разберусь позднее.

Выйдя из палатки, он столкнулся со Статием, который шел к нему обсудить новости и слухи, которыми его щедро снабдили в лагере легиона.

– Пойдем, Статий, посмотрим, чем заняты наши инженеры, поговорим по дороге. Ну, что там нового из Рима? Ты разговаривал с Оппием Сабином?

– Нет, только с трибуном Кассием Петреем. Мне было поручено передать все приказы и инструкции. Я их отгрузил на стол Муллею, и, судя по твоему лицу, ты уже с ними ознакомился.

Скатала сморщился и махнул рукой.

– Что говорят о победе над хаттами и триумфе Домициана?

– Домициан увел с собой в Рим только пару когорт, собранных со всех рейнских легионов, тех, кто выходит на пенсию, да отпускников. Заодно и сэкономил, не надо платить подорожную каждому в отдельности. Всем остальным заплатили тем, что награбили в землях хаттов. Ни единого человека из нашего легиона на празднества в Рим не приглашали, ха-ха-ха. Победоносную армию на священной дороге изображает преторианская гвардия, а не те, кто безвылазно торчал на Рейне и Дунае. Говорят, что цель похода против хаттов состояла в том, чтобы подавить опасное брожение, возникшее в легионах в связи со сменой правителя.

– Думаешь, это истинная причина?

– Откуда простые солдаты могут знать то, что происходит на Палатине.

– Я слышал, что Домициан разрушил до основания храм Танфаны, так чтимый германцами.

– Так говорят.

– Возможно, мы увидим здесь легионы с Рейна.

– Уверен. Даки зашевелились, как муравьи в муравейнике, в который ткнули палкой. В лагере мне рассказывали, что новый царь даков Децебал собирает под своей рукой все разрозненные племена, заключает союзы с сарматами, свевами и даже языгами, своими постоянными врагами.

– Новый царь даков?! А где прежний, Дурос, умер?

– Так сначала все и подумали, но, как оказалось, мы столкнулись с поразительным явлением, самопожертвованием царя во имя процветания всего народа. Дурос отказался от верховной власти в пользу более сильного, энергичного и умного вождя – Децебала. Хороший пример для Рима.

– Это имя одного из вождей племен, мы ничего о нем не знаем.

– Скоро все мы о нем узнаем. Известно также, что он привечает всех, кто недоволен Домицианом или по иным причинам бежит из империи, а тем, кто обучает его войска римским приемам ведения войны и римской дисциплине, сыплет золото горстями.

– Плохая новость для нас, Статий, – Скатала вздохнул и продолжал, – свою первую награду и звание опциона я получил в сражении с даками, в которой наш командир, наместник Мезии, Гай Фонтей Агриппа, погиб со всем штабом. Думаю, моя награда не за доблесть и подвиги на поле боя, а за то, что остался в живых, это было еще при Веспасиане. Все, что осталось от нас, переформировали и направили в легион XIII Гемина. Вся моя служба прошла здесь, между Дунаем и Рейном, не было года, чтобы здесь было спокойно, то одни зачешутся, то другие. Кажется, что весь мир – это туманные ущелья с поросшими густыми лесами, склонами, болото, дожди или иссушающая жара, ужасный хлеб и кислое вино, орды неумытых варваров, только и ждущих возможности воткнуть тебе в живот ржавую железяку.

Мимоходом Скатала ткнул пальцем в плечо вытянувшегося по стойке смирно легионера – «Поправь» – и продолжал:

– А сколько позора мы испытали пятнадцать лет назад, когда в течение нескольких месяцев становились солдатами то Нерона, то Гальбы, то Вителлия, пока, наконец, власть не взял в свои руки Веспасиан.

Я скажу так, наши поражения при Каннах и в Тевтобургском лесу – это блестящие страницы нашей истории, в сравнении с тем, что творилось здесь во время восстания Цивилиса.

Скатала смолк, пропуская конную турму, идущую шагом и направляющуюся к главным воротам лагеря. Проводив глазами последних всадников, обратился к Статию:

– Что заставило тебя попасть сюда из Тимгада, из благословенных мест, в наши проклятые леса?

– Там я был недолго, – усмехнулся Статий. – Наша семья проживала вблизи Акраганта, на юге Сицилии, потом переехали в Тимгад, там отец держал несколько лавок, гончарную мастерскую, продавал посуду, мать ее разрисовывала. Посуда была красивой и изящной. Затем захотел наладить продажу вина и масла, но корабль с товаром захватили пираты, и мы почти разорились. Я ушел на военную службу в Египет, к наместнику Тиберию Александру, он первый привел легионы к присяге Веспасиану, это было в календы июля, потом этот день назвали первым в его правлении, а через несколько дней ему присягала иудейская армия. В составе когорты я был переведен под Иерусалим и участвовал в штурме города, где и получил первое ранение, первые награды от самого Тита, звание опциона, весьма рано по армейским меркам. Затем служил в Сирии, Греции, Македонии, где стычки с сарматами обычное явление.

– Это там освоил приемы борьбы с конницей? Твоя задумка спасла всем нам жизнь в прошлогодней засаде.

– Да уж, думал, не выбраться никому, бороться с тяжелой конницей всегда тяжело.

– Это правда, что Веспасиан излечил двух калек у всех на глазах, на слепого плюнул, а хромого пнул?

– Меня рядом не было, – улыбнулся Марк Статий, – но не думаю, что он равен Иисусу, богу иудеев, который тоже лечил прикосновением, восточные народы легковерны.

Разговаривая, два центуриона, обойдя палатки 6-й центурии, вышли к площадке, где Вибий Бальбил и Амулий Тарквин раскладывали брусья, болты, скрученные жгуты, веревки, крючья и собирали первую из привезенных баллист, надеясь уже к вечеру привести ее в боевое состояние и опробовать.

Глава 2

– Что-нибудь еще? – Домициан быстро уставал от многочисленных бумаг, которые множились на его столе, как насекомые по весне.

– Только ты, император, имеешь право подписывать подобные прошения, – твердо проговорил секретарь Энтелл, подавая свиток, лежащий до этого отдельно от других.

Домициан поднялся из-за стола и с удовольствием потянулся до хруста во всем теле. Подошел к окну и с удовлетворением отметил, что солнце едва освещает верхушку храма Юпитера Капитолийского. Основные строительные работы в главном храме империи были почти закончены. Велась тщательная отделка под присмотром самого императора, старающегося во все вникать самому. Все это делалось не потому, что Домициан не доверял строителям и ответственным за тот или иной участок работ, а потому, что подобным отношением к делам государственным он желал всем напоминать своего великого отца Веспасиана и брата Тита, так любимого в народе. Именно Тит открыл игры в Амфитеатре Флавиев, или, как его стали называть во всем мире, Колизее, явив миру мощь и искусство римских построек. Домициан, транжирия немалые средства, отделявал внутренний облик грандиозного сооружения. Строители весьма искусно убрали с колонн и плит имена Тита, замазывали и закрывали всякое упоминание о тех, кто выстроил это чудо. Имя же Домициана появлялось повсюду, вытесняя память о предках, приучая граждан связывать существование амфитеатра исключительно с Домицианом.

Стоя у окна, император полузакрыв глаза и улыбался. Совсем скоро он коснется упругих бедер и вызывающе-торчащей соблазнительной груди этой очаровательной скромницы Порции. Рождение второго ребенка пошло ей только на пользу, грудь, оставшись полновесной, сохранила притягательность и не отвисла.

Доверенное лицо, Стефан, больше недели уговаривал Порцию посетить императора и рассказать о путешествии, совершенном вместе со своим мужем, римским всадником Ацилием Требилием, в далекие земли дикой Скифии. Земли на краю римского мира обладали такой же манящей неизвестностью, как и неудовлетворенное желание от обладания порядочной женщиной из известной семьи.

Стефан убеждал Порцию, что верность мужу, без сомнения, прекрасное качество для матроны, но благосклонность императора – вот высшее благо для всех.

Уговорил, пройдоха.

Домициан не терпел отказов, хотя скандалы любил еще менее, но Стефан свое дело знал. Хорошо понимая желания императора и направление его мыслей, он подталкивал под августейший взор тех особ, которые в силу своей природы и неосознанных желаний становились легкой и вожделенной добычей похотливых порывов любвеобильного правителя.

Домициан мысленно притянул к себе Порцию, и ее легкое сопротивление вызвало в нем сладостное напряжение.

– Речь идет о беглых рабах, – настырные слова секретаря оторвали от мыслей, заполняющих сознание, – прошение от уважаемого сенатора Сервия Афрания.

Домициан нехотя вернулся от окна к столу, от мыслей к делу. Имя сенатора очень хорошо знакомо императору: во-первых, он имел красивую дочь, и во-вторых, состоял в партии, поддерживающей Домициана и ссужавшей ему по мере необходимости немалые денежные суммы, хотя и не безвозмездно.

– Ну, что там, – на лице изобразилась добродушная заинтересованность. – Зачитай, только не тяни, изложи самую суть.

– Сервий Афраний просит императора оказать помощь в возвращении раба, убежавшего пять лет назад и забравшего с собой рабыню, стоящую весьма дорого.

Домициан поднял глаза удивленно.

– Разве император занимается поисками каких-то беглых рабов? Пусть обращается к пре-
торам или децемвирам, это их дело.

Энтелл немного помялся.

– Дело в том, что беглец найден. Сбежав, он обманным путем поступил на службу
в легион, – секретарь бросил взгляд на свиток. – I Италийский легион, расквартирован в Мезии.
За эти годы показал себя хорошим солдатом. Имеет награды от вашего отца и особенно вашего
брата, дослужился до центуриона. Его имя...

– Хватит, хватит, – Домициан замахал руками, – хватит. Я не собираюсь вникать во все
подробности. Давай бумаги, подпишу, если уж сенатор так дорожит им.

Домициану особенно неприятно было упоминание о брате, а те, кто получали награды
от него, были неприятны вдвойне.

Взяв в руки стилус, упруго и нежно покатав его между большим и указательным паль-
цами. «Что-то это мне напоминает, – вытянул губы трубочкой. – Уверен, Порция будет счаст-
лива узнать меня лучше. Умелые пальцы доведут ее до иступления».

Поставив в конце прошения свою резолюцию, постучал по ней указательным пальцем:

– Проследи, чтобы сегодня же отправили в дом Сервия Афрания. Беглые рабы в армии –
это недопустимо. Легаты покрывают беглецов, ослабляют власть, нам достаточно и того сброда,
что сбегается в наши легионы со всех окраин. Став хорошими солдатами, они затем дезерти-
руют к нашим врагам. Децебал примет их с радостью. Худшие из наших врагов те, кого мы
обучили сами. Необходимо подумать об этом и дать распоряжение командирам легионов про-
вести проверку всего личного состава для выявления сомнительных и неблагонадежных при-
обретений, – и добавил вполголоса: – Хорошо бы проверить и самих командиров, а то каждый
из них мнит себя императором.

Секретарь забрал документы и кивнул.

– Будет исполнено немедленно.

– Вот-вот, поторопись. На сегодня все, закончим.

Поклонившись, Энтелл вышел. За дверью его ждал Стефан.

– Прощение? – кратко и с нажимом обратился к секретарю и одним словом, понимая,
что тот сообщит, о чем речь.

– Подписано и одобрено.

– Дай-ка его имя.

Пробежав глазами написанное и удовлетворенно оглядев печать императора, произнес:

– Его я сам отнесу Афранию. Мы с ним большие друзья. Ты можешь идти и не беспоко-
иться. Самый быстрый и самый надежный гонец – это я.

С видом человека, получившего хороший денежный приз, Стефан не спеша отправился
к дому сенатора. Пройдя по Форуму, поднялся на Капитолий, пройдя между храмом Сатурна
и табуларием, хранилищем документов империи. Когда-то Стефан пришел к Сервию Афранию
с просьбой выкупить у него рабыню Меланию, сбежавшую впоследствии с тем мерзким рабом,
имя которого сразу же стало ненавистно Стефану, который поклялся сам себе, что разыщет
во всей империи и его, и ее. Сенатор весьма прохладно отнесся к просьбе какого-то вольно-
отпущенника. Теперь же многое изменилось, обиженный на судьбу и жаждущий власти Доми-
циан стал всесильным императором, а бывший раб его поверенным и советником. Власть была
безгранична, и Стефан никого не забыл, кто хоть однажды указал ему на его низкое проис-
хождение.

Стефан предложил взаимовыгодную сделку. Он, Стефан, укажет местонахождение бег-
лого раба и уговорит императора возратить его хозяину, а сенатор, в свою очередь, в благо-
дарность отдаст Меланию Стефану. Афраний согласился.

Стефан не забыл презрительного взгляда девушки в свою сторону. «Уж лучше уйти в лупанарий, чем принадлежать такой жабе, как ты!» – получил он ответ на все свои притязания. Стефан злобно усмехнулся, вот и посмотрим теперь, как она заговорит, когда он получит ее за цену, за которую в портовых кабаках Александрии не купить и старой дешевой шлюхи.

Сервий Афраний обсуждал со своим другом и доверенным лицом юристом Либурнием покупку большого участка земли вблизи Аполлонии. Земля была заброшена вот уже как пять лет. Прежний хозяин неожиданно умер, не оставив после себя ни завещания, ни родственников, кому могли бы отойти эти земли. Город разрастался в сторону моря, вдоль побережья, и поэтому на пустошь, лежащую на северо-востоке, охотников не находилось. Префект Аполлонии выставил участок на торги, но заломил такую цену, будто продавал не заросшие травой и кустарником пески, а золотой прииск. К тому же земля находилась в отдалении от дороги, соединяющей северное побережье Адриатики с центральной Грецией. Минус немалый. В течение года префект несколько раз снижал цену, но спроса по-прежнему не было. Новый префект, назначенный Домицианом, разобрался тщательней в этом вопросе. Послушав советы агрономов и местных жителей, решил, что аренда земли будет выгоднее для казны города, и раздал участки арендаторам за вполне умеренную цену. Вскоре выяснилось, что, несмотря на неудобный, сложный ландшафт и состав почвы, земля весьма плодородна и при небольших затратах приносит хорошую прибыль.

Приличные урожаи и спекулятивный интерес взвинтили цену. Сразу нашлись и покупатели. Весь вопрос продажи уперся в количество денег и пожелания префекта Семпрония Агреста. Либурний, знающий префекта лично и поддерживающий с ним дружеские отношения, предложил свое посредничество в продаже кому-нибудь из влиятельных сенаторов. Агрест согласился. Предложение было хорошим и предлагало достойный процент от сделки в карман самому Агресту. Кроме того, услуга, оказанная сильным мира сего, может оказаться куда полезней горсти золотых монет.

Либурний, получив принципиальное согласие, действовал по обыкновению решительно. Он сразу обратился к Афранию, зная его тягу к сельскому хозяйству и средства, которыми тот обладал. Собрав все отчеты о составе почвы, сняв копию с подробной карты местности, где указаны даже кочки и ключи, бывшие из-под земли, Либурний приехал к сенатору.

Стефан пришел в тот момент, когда шло обсуждение не самой покупки, а возможности оформления ее на подставное лицо. Не следовало выставлять на всеобщее обсуждение подобные крупные сделки. Денежные операции не терпят публичности.

Стефан опередил управляющего, не желая, чтобы о нем докладывали как о рядовом посетителе. Он уже прошел половину атрия, приближаясь к рабочему кабинету, прежде чем Либурний и Афраний подняли головы на шум шагов.

– Я приветствую уважаемого сенатора Сервия Афрания!

Либурний свернул договор купли-продажи, а на карту покупаемых земель толкнул кучу малозначимых свитков.

– Твой столь неожиданный визит, Стефан, говорит о том, что наше общее дело получило одобрение у императора.

– Ты не ошибся, вот прошение, подписано Домицианом. Можешь отправлять своих людей за беглецом. Да не забудь прихватить и мою награду, да смотри не попортить по дороге.

Стефан приблизился к столу и положил свой свиток поверх наваленных на карту. Мизинцем приподнял один из них.

– Интересуешься землями в Иллирии? Отличные места для виноградников. Только не торопись с виноградной лозой. Возможно, лучше подойдет что-нибудь иное, необходимое для снабжения армии.

Афраний удивленно-настороженно выслушал Стефана.

– Не пойму, о чем ты? Император решил увеличить приток пшеницы за счет посевов на северных землях? В тех почвах лучше приживется виноградная лоза, а не пшеница...

Глава 3

– Кари, Кари! – позвал старик во второй раз, произнеся имя громче, чем в первый. Никто не отозвался на зов. Слышны были только легкий топот лошадей да хруст поедаемой ими травы.

Старик вздохнул, поднялся с ложа, покрытого медвежьими и оленьими шкурами, и подошел к деревянному столу. Света от углей в железном треножнике вполне хватало, чтобы осветить несколько чашек и медный кувшин, в котором свет жаровни отражался красноватым призраком. Старик наклонил кувшин над чашей, выточенной из цельного куска оникса. Наполнил ее кисло-сладким морсом из брусники, клюквы и меда. Жадно выпил и налил еще. В несколько больших глотков выпил и это. Поставил чашу на край стола. Постоял, немного прислушиваясь к звукам за стенами. По-стариковски шаркая ногами, обутыми в короткие мягкие сапоги, добрался до входа, откинул полог из лошадиных шкур и, не перешагивая высокого порога, выглянул. Несколько десятков шатров тянулись вдоль неширокой реки. Кое-где красноватыми цветами светились костры, некоторые уже прогорели и стелили белесые бороды, тянущиеся к реке. Несколько стреноженных лошадей в тени обрывистого берега почти не видны, доносились только их легкое всхрапывание и плеск воды от резвившихся жеребят. На востоке розоватая полоса притушила робкие звезды, оставив одну, яркую утреннюю звезду. Римляне называют ее Венерой, богиня красоты. Приближался новый день. Легкий ветерок нес влажную прохладу, шепча о приближении осени. Высокие травы поблескивали серебряным покрывалом тяжелой и чистой росы. От входа шатра в сторону реки тянулась темная, тоненькая, как ручеек от родника, тропинка. Старик покачал головой. Вздохнул. Перешагнул порог. Собака, спавшая у входа, подняла голову и вопросительно посмотрела на старика. Вздохнула вслед за ним и, понимая, что идти куда не нужно, снова задремала. Свернувшись пушистым колечком, она ловила сладкие утренние сны.

Старик пристально посмотрел в сторону реки. Кари, его внучка, убежала на утреннее купание в холодеющей воде, готовит себя к походу. С тех пор как вожди племен объявили о военном походе на юг, к западным берегам Эвксинского моря, Кари ежедневно истязает себя воинскими занятиями – плавание, скачки по степи до изнеможения, метания копья и стрельба из лука на полном скаку.

Из всех детей сына Торона выжили только двое – Кари и ее брат-близнец Карин. Остальные дети не пережили своих первых зим. Мать Кари умерла от неизвестной болезни, что приносят с собой полудикие племена с востока, бесконечно воюющие со всеми соседями, постепенно сдвигая кочевые народы на запад. Молва несла, что есть среди них и такие, кто не отказывается и от человечины. В одной из стычек с ними погиб и отец Кари, родной сын Торона. После этого он, Торон, забрал Кари и Карина к себе. Надеялся воспитать их так, как считал необходимым. Карин с малых лет проявил интерес к тому, чем занимался дедушка. Находил удовольствие в собирании трав, приготовлении мазей и отваров. Спокойно смотрел на то, как дедушка вправлял вывихи, обрабатывал раны, сшивал внутренности людей и животных. Он был молчалив, исполнителен, не пугался ни криков, ни вида крови, обладал прекрасной памятью. Торон время от времени устраивал ему серьезные экзамены, но Карин помнил все, чему учил его дедушка, вплоть до состава и соотношений сложнейших настоек из многих трав. Старик мог надеяться, что по прошествии времени он может заменить его самого.

Кари была иной. Она была выше брата, темнее его волосом и глазами. С малых лет увлекалась лошадьми, но ее ноги, длинные и прямые, делали ее не похожей на дочь скифа. Было в ней что-то от гречанки. Большие темные глаза, высокий рост, изящество в движениях и речах, тонкое лицо, ни единой грубой линии. Было в ней что-то от греческих богинь, чьи статуи можно найти во всех поселениях греков вдоль побережья. Греки были удивительно живучи

в этом мире бесконечных и безумно жестоких войн. Греки сражались за каждый кусочек земли, где могла поместиться их сандалия. Сражались или покупали право на жизнь для себя у тех племен, рядом с которыми поселялись. Они побеждали не силой оружия, а силою своих достижений в сельском хозяйстве, металлургии, обработке драгоценных металлов и камней, орудий труда и войны, виноделии, своими знаниями сущности природы, божественного проявления ее среди людей. Греки были умными и хитрыми. Они ссорили своих соседей, чтобы жить среди них в мире и быть нужными всем – и сильным, и слабым. Они желали вознестись над всеми силою своих удивительных знаний.

Затем пришли римляне.

Римляне не разделяли понятия добра и зла, света и тьмы. Они руководствовались экономической целесообразностью. Хорошо то, что выгодно. То, что невыгодно, бесполезно. Они поработили греков, заставив их работать на себя. Греки уступили силе оружия, но победили римлян в ином – греческая культура стала доминирующей силой в римском обществе. Греческая литература, живопись, архитектура, искусство театра и слова преобразили римлян. Знания греческого языка почитались наипервейшим среди всех слоев римского общества. В семьях патрициев наличие хорошего учителя из греков считалось не только правилом хорошего тона, но и обязательным для формирования развитой и гармоничной личности. Эстеты ценили учителей из собственно Аттики, а греческий с малоазийским акцентом приравнялся к незнанию языка вовсе. С таким говором нечего было и думать сделать карьеру в политике или стать хорошим юристом в самом Риме, а также за его пределами. Ко всем кочевым народам римляне относились недоверчиво и высокомерно. Римские торговцы предпочитали иметь своими представителями греков или тех вождей племен, кто хоть немного прикоснулся к великой культуре народа Средиземноморья. Римские легионеры редко заходили в эти земли. Только Помпей Великий забирался далеко на восток в погоне за Митридатом Евпатором да Луций Лициний Лукулл в своих удивительных походах и победах в войне с тем же Митридатом и миром кочевников. Они воевали с кочевниками руками самих кочевников, стравливая их между собой, ослабляя их силу, надеясь разделить и править там, где можно поставить форпост. Придя на новую землю, римляне уже не уходили, не оставив символ своей мировой власти. Торговца и легионера. И, что, возможно, еще очень важно, римляне тянули за своими легионерами отличные и широкие дороги. Артерии *Rex Romanum*.

Матерью Кари была женщина из тех земель. От матери Кари взяла необыкновенную красоту и утонченность, совершенно не свойственную женщинам ближайших племен. С юных лет Кари выделялась среди своих сверстниц. Войдя в период расцвета своей красоты, она притягивала к себе многие мужские взгляды, от совсем молодых до седых воинов. Если от матери она взяла красоту, то от отца ей передались сила духа, жажда борьбы, упорство, воинственность. Как только ее маленькие ручки смогли натянуть тетиву детского лука, она встала в один ряд с юношами. Ее стрелы были не менее точны, чем стрелы мужчин. Копье, брошенное ее рукой, поражало с одинаковой силой и точностью и соломенное чучело, и дикого зверя. Вот только человека ей убивать не приходилось. Может, в ее крови есть капля от мифических амазонок. Торон нахмурился. Пришло время выдавать ее замуж. Но Кари заявила, что пойдет в поход на Дунай, где назревала большая война. Кари напомнила дедушке древний закон, по которому следовало молодой девушке убить несколько врагов, а затем иметь право на выбор мужа. Старик усмехнулся. Такие, как она, именно выбирают, а не позволяют выбирать себя. И она не была в этом одинока. Несколько молодых девушек из ее круга пожелали идти с отрядом воинов под предводительством Суника Эрмия в далекий поход по призыву царя даков Децебала.

Торон тщательно готовил Кари к походу. Не желая упустить что-либо важное, он ежедневно перебирал ее сумки. Готовил сухие смеси трав, варил мази, используя жир животных и масляную воду, что сочилась из-под земли. Странная вода ярко горела, а если ее медленно греть на малом огне, становилась густой смолой, которая вбирала в себя силу трав и хранила

ее бесконечно долго. Эти мази обладали удивительным свойством разогревать живые ткани и умирять боль. Яды змей, легко и быстро убивающие людей и животных, разбавленные многократно и добавленные в эти мази, спасали тяжелобольных и поднимали на ноги раненых. Кари развила в себе мистические способности врачевать переломы, разрывы мышц и связок, получаемые во время охоты, сражения или при рождении. Она тянула и массировала негнущиеся руки и ноги. Заставляла подолгу выполнять различные движения на сжатие и растягивание. Ее сильные пальцы находили какие-то точки на теле человека и сначала причиняли нестерпимую боль, а затем оживляли, казалось, умирающую конечность.

Греческие врачи, наблюдавшие за ее действиями, только качали головами. Где она могла научиться подобному искусству, старик не знал. Может, в ней воплотился дух самого Асклепия, греческого бога врачевания.

Суника Эрмия с восторгом принял Кари в свой отряд. Ее знания для воинов были бесценны. Торон считал, что ее выбор слишком легкомыслен. Кочевников-воинов много и их потери восполняются силой степи, а Кари была единственной в этих землях. По словам одного из греческих врачей, она могла бы уехать в Антиохию или даже Александрию, туда, где подобное искусство высоко ценится, и даже предлагал отправить с ней рекомендательные письма. Особенно на этом настаивал Флавий, армейский хирург из Херсонеса. Кари ездила в этот город совсем недавно, проявляя там свое мастерство. Небольшой торговый караван доставил в Херсонес хорошие кожи и стада овец на продажу. С ними и уходила Кари, с ними и вернулась с письмами, подарками и новыми знаниями. Торон отправил греку благодарность в словах и подарках. Он не мог и не желал неволить Кари в выборе жизненного пути.

Торон не верил в богов, он верил в силу знаний, что дает эта жизнь. Он видел, как уже умерший человек все же открыл глаза, и сердце его начинало биться по-прежнему. Именно он – Торон – дул ему в рот воздух, давил на грудь двумя руками и ...человек оживал. Это сделал он, Торон. Но старик молчал об этом. Свои взгляды Торон хранил глубоко в душе. Нельзя людям без богов. Без веры люди слабеют, а слабея, перестают быть людьми. Сила убеждения, вера в богов, неизвестные силы, пробуждающие жизнь, окружали людей, и люди нуждались в этом, чтобы жить.

Торон вздохнул. Высоко в небе, перечеркнув его восточную часть, сверкнула падающая звезда. Оставив белый след, отчетливо видимый на посветлевшем небе, звезда исчезла, пойманная солнцем, еще прячущимся за линией далекого горизонта. Старик опустил глаза к реке. От группы лошадей отделилась одна и легко понеслась по берегу. Фигурку всадника, размахивающего руками, невозможно спутать с кем-то еще. Через несколько мгновений лошадь домчалась до шатра, и всадница легко соскочила у входа. И животное, и человек чувствовали начало нового дня и радостно приветствовали старика ржанием и криками восторга. Кари соскочила с лошади и обняла старика. Несмотря на прохладное утро и купание, ее руки были горячими и согревали его. В девушке горел огонь жизни, уже недоступный Торону. Он понимал, почему не желал отъезда Кари, не желал, чтобы от него уходила та сила жизни, что давала девушка своим присутствием. Ее почти детская радость нового утра передалась и ему. Она наполняла его жилище тем неуловимо мягким теплом, которое способна дать только женщина.

Пока Торон складывал в ее кожаные мешки приготовленные мази, Кари оживила огонь под котлом, разогрела бульон, нарезала ломти серого хлеба. Выставила на стол глиняное блюдо с кусками копченого мяса, вареные яйца, масло, мед. Освободила часть стола от чашек, широкогорлых кувшинов, медной ступы с раскрошенными в мелкую пыль зернами и свитками записей. Покрыла стол чистой скатертью из светлой верблюжьей шерсти и все расставила на ней. Торон с улыбкой смотрел на ее быстрые, точные движения. Вот так все в ее жизни – быстро, точно, ничего лишнего или ненужного. Кари предпочитала сидеть за столом, а не на шкуре, брошенной на землю, как делали большинство ее сородичей.

На запах бульона выбрался из-под шкур Карин. Его заспанный, немного растерянный вид придавал его мягкому лицу выражение ребенка, которого подняли среди ночи, и он не знает, что от него хотят. Кари с улыбкой придвинула ему глиняную миску, и тот неторопливо начал хлебать густую жижу, понемногу просыпаясь. Его взгляд приобретал осмысленность, лицо определенность линий.

В шатре появилась лучшая подруга Кари, рыжеволосая Хриза. Они были неразлучны с детства. Многие годы, проведенные вместе, общность интересов, воинственность, тяга к оружию помогали им понимать друг друга с полуслова и полужеста. Их связывала не только дружба, но и жажда соперничества во всех военных упражнениях, были это скачки по степи, стрельба из лука или метание копий. Хриза была похожа и не похожа на Кари. Светлокожая, рыжеволосая, двигалась стремительно, жесты резки. Большие цвета неба глаза смотрели восторженно. Веснушки, исчезающие зимой и появляющиеся по весне, придавали ей некоторую мягкость, но пронзительный взгляд заставлял мужчин проявить настороженность и опаску в общении с ней.

Так же, как и Кари, Хриза собиралась в поход с Суникой Эрмия в придунайские земли. Она мечтала о возрождении царства Ипполиты, предводительницы амазонок. Войдя в детородный возраст, подруги дали друг другу клятву найти себе мужа только тогда, когда каждая из них убьет не менее десятка врагов. Кто будет этим врагом, они не знали, но в них не было недостатка.

Скифы не вели летописи, как греки и римляне, но из поколения в поколение передавались полумифы-полулегенды об огромном некогда государстве скифов, о великом царе Атее, наводящем ужас на ближайшие народы. О войнах скифов с самим Дарием I, о сражении девятиностолетнего Атея с Филиппом II, отцом Александра Македонского, названного впоследствии Великим, и его, Атея, гибели в схватке с фалангой. Легенды говорили, что в личной схватке двух царей Атей нанес тяжелейшую рану Филиппу, ставшему с тех пор хромым на всю жизнь. Кари и Хриза не раз посещали место захоронения царя Атея, и там, у подножия кургана, они давали свои девичьи клятвы. Торон не вмешивался в разговоры девушек о предстоящем походе. Их воображение рисовало подвиги, равные деяниям легендарного царя всех скифов. Легенды оживляли героев и их победы. Очень немногие из скифов, особенно те, кто имел тесные связи с греками по торговым и иным делам, знали больше простых людей об истинной истории кочевых народов, ее сплетении с историей других народов.

Скифы в своих походах часто объединялись со своими родственниками роксоланами. Их быт, вооружение, традиции и языки были близки. Роксоланы обладали прекрасной, возможно лучшей в мире конницей. На их землях паслись тысячные табуны сильных и выносливых лошадей, их оружие лук и стрела, а лишь потом копье и меч. Так они затеяли войну с Митридатом VI Великим, выступившим защитником греческих полисов северного и восточного побережья Эвксинского Понта, прежде всего Киммерийского полуострова. Виной всех войн была торговля пшеницей, греки старались вытеснить скифов с этого доходного дела и забрать экспорт в свои руки или в крайнем случае стать посредником в этой торговле, скифы желали торговать сами, напрямую. Разрешить эти вопросы могло только оружие. Греки часто обращались к понтийским царям за поддержкой и прямой военной помощью и почти всегда получали ее. Иногда им удавалось привлечь на свою сторону и сарматов. История сохранила имена легендарного Скилура, который не только захватил немало земель у греков, но и пытался построить собственный флот. Сын Скилура, энергичный и талантливый Палак, сумел захватить все владения Херсонеса и подступил к самому городу. Палак не был милосердным, с жестокостью он уничтожал все поселения, разрушал все укрепления греков, не щадил никого. Хлеб, заготовленный греками, сжигал, тем самым пытаясь запугать всех, кто выступал против скифов. Маленьких детей и раненых воинов кидали в горящие зерновые ямы, где стограла даже кости. Взяв Херсонес, Палак желал создать империю скифов, как некогда желал этого и Атей. Херсонес должен

был пасть, но неожиданно грекам пришла помощь от Митридата VI Евпатора. Хорошо обученное войско под командованием одного из лучших полководцев, Диофанта из Синопа. Диофант разбил скифов и разорил множество их поселений. Херсонес был освобожден. Диофант был отозван Митридатом обратно. Скифы отошли, они черпали силы не в городах, а в степи. Прошел год и, дождавшись поздней осени, скифы в союзе с роксоланами неожиданно осадили Херсонес. Греки не ожидали этого нападения, отправив мольбу о помощи Митридату, они понимали, что это жест отчаяния. До весны ни один корабль не пройдет, зимние бури надежно закрывали к ним дорогу. Но Диофант пришел, он греб на веслах от самого Синопа и прибыл вовремя. Воины Митридата, оторвав кровавые мозоли от весел, взялись за оружие. Скифов поразила не только сила оружия Диофанта, а сила духа его отрядов, сумевших без потерь пройти по зимнему морю. Скифы были разбиты в нескольких сражениях и больше не помышляли о захвате Херсонеса, тем более что сильный гарнизон понтийцев остался в городе. Через несколько лет Митридат начал жестокие войны с Римом и ...проиграл. Римляне захватили все владения Митридата, пришли они и в Херсонес. Все это произошло почти 150 лет назад.

Греки не только отбивали набеги кочевников, но и торговали с ними, широко и прибыльно. Греки приобретали у них скот, кожи, зерно и другую сельхозпродукцию. Земля степей была чрезвычайно богата на урожаи. Скифы же брали у греков посуду, ткани, изделия из драгоценных металлов, орудия обработки земли, оружие и знания о мире. Последнее интересовало таких, как Торон.

Вернувшись из очередного набега на города Киммерии, отряды скифов приносили вести о больших переменах, о движении кочевых племен с востока. Далеко на севере народ бастарны воюет с сарматами и под их давлением медленно уходит на запад, оставляя свои земли пришлым.

Давно уже нет армий Митридата, на смену им пришли римляне. Они раскинули свои владения от окраинных земель на западе, где начинается Великий океан, до восточных рубежей с Парфией. Все чаще скифы сталкиваются с отрядами римлян и терпят от них поражения. Скифы уходят в степи, и римляне их не преследуют, ограничиваясь обороной греческих полисов и своих военных поселений. Они закрепляли свою власть не только мечом, но и плугом, втягивая в свои экономические интересы всех, кто их окружал. Они перетягивали на свою сторону тех, кто принимал их власть и законы, давая землю для проживания и средства. Правители Рима, сменяя друг друга, раздвинули границы своих владений. Римляне не раз переходили и Рейн, и Дунай, но это были скорее карательные операции, чем желание обосноваться надолго. После гибели целой римской армии Квинтилия Вара римляне не имели желания завоевывать земли на восток от Рейна. С Дунаем все сложнее. Набравшее силу Дакийское царство нападало само, постоянно угрожая всей Мезии, куда входили и земли Херсонеса, которые скифы желали забрать себе. Кочевники остановили попытки захвата даками своих земель, и после нескольких сражений даки заключили мир со скифами. Теперь же они приглашали кочевые племена востока в поход за собой. Перейти Дунай для захвата римских богатых городов и перенести войну в глубинные земли Паннонии и Далмации.

Торон видел римлян только один раз. Много лет назад, когда еще молодым воином ходил в военный набег на Херсонес. Разграбив окрестности, скифские князья приступили к стенам города. Первый штурм греки отбили. Лестницы были отброшены, сожжены и переломаны, те из нападающих кто успел взобраться на стены, были перебиты самым безжалостным образом. Их тела сбросили в ров, сопровождая это презрительными жестами и криками. Тогда умельцы из наемников соорудили таран – мощное стенобитное орудие с навесом, защищающее нападающих от стрел и камней и даже от горячей смолы с жиром, способной растопить и сжечь даже камень. На сооружение подобного монстра ушло несколько дней. Огромное бревно, обитое железом и подвешенное на цепях, внушало ужас, не было таких ворот, какими мощными они ни были, чтобы долго противостоять стенобитному орудью. Осажден-

ные наблюдали со стен за всеми приготовлениями степняков молча и, казалось, совершенно безучастно. Большая награда была обещана тем, кто строил таран. Для управления им были вызваны самые сильные и опытные воины. Всех их ждала лучшая доля добычи и женщины, каких они только пожелают.

Одни предлагали атаковать на рассвете, другие на закате или ночью. Победило мнение первых. Атака ночью чревата большими потерями для всех сторон, но больше для нападающих. Стрелкам приказали не переставая обстреливать бойницы, каждому отводился небольшой участок стены. Таран, облепленный охотниками, недостатка в которых не было, медленно пополз к воротам. Толстые массивные колеса вращались легко, обильно смазанные жиром. Десятки сильных рук толкали его вперед. Широкая колея из укатанной земли и вдавленных камней оставалась за тараном. Мощное острие покачивалось и кивало в такт движению, уверенное в своей непобедимой мощи.

Осажденные пытались выбивать стрелами нападающих еще на дальних подступах, но стрелки из конных и пеших скифов посылали в бойницы такое количество каленого железа, что защитники прятались за каменными зубцами, бессильные помешать движению своей смерти. Горящие стрелы не могли поджечь таран, покрытый мокрыми шкурами, а снаряды баллист были неточны, хотя и причиняли урон стрелкам и воинам, толкающим таран.

Грозному орудию оставалось до ворот несколько десятков шагов, а Торону с его места казалось, что он уже въехал в стену города и вот-вот все услышат первый удар. Затем еще и еще, вскоре рухнут ворота и все бросятся в проем, и тогда грекам не спастись. Они будут обречены. Многие из молодых воинов перестали наблюдать за стенами, все их внимание приковали ворота. И неожиданно ворота стали открываться, сначала медленно, затем все быстрее, пока не грохнули о стены железными полосами. Все замерли в изумлении.

Из ворот медленно выдвигалась плотная колонна красно-коричневых щитов. Торон опустил лук, пытаясь понять происходящее. Он был не одинок в своем непонимании. Подобное он видел впервые в жизни, как и многие его товарищи.

Колонна между тем медленно двигалась навстречу тарану.

– Черепаха! Черепаха! – услышал Торон чей-то голос, сразу же подхваченный сотнями других. Десятки стрел притянула к себе железная змея, но ни одна из них не нашла ни единой цели. Стрелы бессильно бились о сплошную стену щитов, Торон в ожесточении выпускал одну стрелу за другой и быстро опустошил свои запасы, то же сделали и его товарищи.

Черепаха на короткое время остановилась и, переждав обстрел, двинулась дальше, приближаясь к тарану. Воины, обступавшие его, не выдержав напряжения, схватили мечи и топоры и бросились на горстку храбрецов, решившихся на дерзкую вылазку. Желая разбить, опрокинуть, разломать строй щитов, ворваться в город на плечах отступающих. С дикими криками скифские воины кинулись на черепаху, потрясая тяжелым оружием. Торон поддался общему порыву, он бросил бесполезный лук и схватил топор на длинной ручке, просунув руку в ремennую петлю, он кинулся со всех ног на защитников города. Но, не пробежав и нескольких шагов, споткнулся и упал, сильно ударившись лицом о каменистую сухую землю. Встать он не мог, через него бежали его товарищи. Торон сжался на земле, закрыв голову руками. Когда же он, наконец, вскочил, проклиная себя за неловкость, и бросился к воротам, то со страхом и удивлением увидел, как вокруг черепахи корчатся и умирают воины-скифы.

Короткие лезвия мечей, как жала, выскакивали из едва различимых щелей между щитами и поражали каждого, кто пытался прорубиться через эту стену. Нападающих поражали в ноги, лицо, руку, державшую оружие. В отчаянии хватались скифы за щиты руками, пытаясь оттянуть их и разорвать этот монолит. Таким рубили пальцы и руки. Волна нападающих отхлынула в страхе и растерянности, никто не знал, что предпринять. Стрелки со стен более свободно и смело поражали разбегающихся степняков. Общее смятение усилилось, когда черепаха неожиданно развернулась и десятки воинов стремительно и организованно бросились

к тарану, добивая и сметая тех, кто медлил с отступлением. Веревки и цепи в несколько мгновений были разорваны и перерублены, навес над тараном сорван и разломан. Таран вспыхнул едким, ярким пламенем. Все как-то сразу загудело, черный дым взлетел над стенами города. Пламя удивительно быстро охватило все сооружение, как жестокое живое существо, заглатывающее жертву. Кто-то кинулся тушить огонь, пытаясь закидать песком пламя, кто-то плескал водой из кожаного ведра, но пламя как будто разъярилось еще больше, разлетаясь мелкими цепкими лапами. Те несчастные, кого они касались, кричали страшным голосами. Все разбегались в животном ужасе или катались по земле, пытаясь потушить сжирающий заживо огонь. Отдельные воины снова хватили луки в яростном желании нанести хоть какой-то урон осмелившимся на вылазку. Другие, вооруженные копьями и мечами, растерянно двигались взад и вперед, не имея решимости кинуться к воротам. Защитники тем временем снова сомкнули щиты, выстроив сплошной панцирь, отходили к воротам. Теперь и орущее пламя закрывало своим жаром уходящую черепаху. Стрелы со стен убивали и калечили тех, кто через пламя все же пытался прорваться к воротам. Большинство в бессильном гневе наблюдало, как железная змея втягивается в темный проем ворот. Были ли раненые и убитые среди тех, кто выходил на вылазку, никто не знал. На поле никого из них не осталось.

На Торона и его товарищей все происходящее произвело самое тягостное впечатление. Казалось, что победа уже в руках, и вот неожиданно все вынуждены отступать, теряя лучших и сильнейших воинов. Вечером, сидя у костра, Торон услышал, что это были не греки, это были римляне. Они-то и руководили обороной города.

Скифы простояли у стен города еще несколько дней, не предпринимая активных действий. Узнав, что к городу спешит римский наместник Мезии, Плавтий Сильван Элиан, скифы решили отступить. Вожди племен перессорились между собой, обвиняя друг друга в неумении вести войну и осаду. Также пришла весть о нападении сарматов на скифские поселения. Многие поспешили покинуть лагерь, торопясь вернуться в родные места и стойбища. Крупные отряды объявили о прекращении осады Херсонеса и уходили, гоня перед собой скот и пленных. Мелкие отряды исчезали скрытно, унося то небольшое, что удалось урвать в общей суматохе или чаще украсть у своих же. Их никто не преследовал и не искал. Степь велика. Очередной набег закончился. Скифское воинство расходилось по своим стойбищам, готовя и сочиняя рассказы о своей доблести и поверженных врагах.

По дороге в родные земли Торон имел несколько стычек с разведкой сарматов, все они были быстротечны и незначительны. Позднее по степи прошла весть, что римский наместник совсем небольшими силами остановил движение сарматов и замирил ближайшие племена даков и бастарнов. С тех пор Торон постоянно слышал и много узнал о римлянах, но видеть самих римлян ему больше не доводилось. Новые поросли воинов с почтением слушали стариков, втайне думая, что они будут более удачливы в войнах с Римом. Молодость неразумна и самоуверенна. Скифы постоянно объединялись с племенами сарматов для совместных нападений, но еще чаще воевали друг с другом за северный берег Евксина. Скифы уже не имели той былой мощи, и им приходилось вступать в союзы с бывшими противниками, чтобы не исчезнуть самим с этих земель. Народы, жившие далеко на востоке, набирали силу, волна за волной накатываясь на известный Торону мир. Скифские вожди не доверяли дакам. Цари Дакии всегда желали ослабить скифов и захватить их богатые и плодородные земли. Может, лучше выждать и посмотреть на войну даков с римлянами издалека и выждать удобный момент, чтобы за многое рассчитаться с хитрыми и коварными даками, ударить им в спину во время их войны с Римом. А римляне в знак благодарности предложат союз и в награду земли Дакии. Уничтожить неудобных соседей руками других, что может быть лучше и дальновиднее. Все же некоторые вожди, соблазненные посулами Децебала, решили присоединиться к его отрядам. За это дакийский царь обещал им вернуть старинные земли вдоль западного побережья и богатые приморские города. Уже немало кочевников оценило прелесть оседлого образа жизни.

Девушки задирали Карина, постоянно смеясь и шумя. Торон нахмурился и вышел за порог. Вдохнул полной грудью запахи, что несли восточные ветры. Запахи близкой осени, ароматы увядающих трав. Высоко в небе птицы тянулись к югу. Вокруг шатров оживленно двигались люди и животные. Женщины начинали утреннюю дойку, разжигали потухшие костры, собаки потягивались, катались в траве и радостно тявкали, приветствуя своих хозяев, предвкушая вкусную и обильную еду. Мужчины степенно и с достоинством оглядывали упряжь и оружие, обсуждая новый день. Все перекрывали детские голоса, поминутно затевая игры и ссоры, тут же мирясь. Они несли с собой радость жизни, ее продолжение, ее смысл. Торон широко улыбнулся. Как ни будет силен враг, ему не преодолеть ни силы этой земли, ни силы народа, ее населяющей.

Глава 4

84 г. н. э. Дунай. Осень.

Лагерь Скатолы

– Что у тебя? – без особенного интереса спросил Скатола.

– Завтра из лагеря легиона прибывает группа гладиаторов.

Центурион поднял голову, в его глазах, полных бесконечных забот и усталости, отразилось непонимание и вопрос. Марк Статий, взглянув на Скатолу, потом на Тита Муллея, произнес:

– Зачем? Император решил развлечь солдат, заскучавших на границе. Очень мило с его стороны. К нашему черствому хлебу добавить зрелищ.

– Что за чушь? – недовольно буркнул Скатола.

– В целях повышения боевой выучки и совершенствования технических приемов защиты и атаки, – четко проговорил писарь явно заученную фразу.

– А также умения красиво и изящно наступать и отходить, – в тон ему продолжил Статий, но смолк под гневным взглядом Скатолы.

– Интересное новшество. И сколько их? Кто старший? Время прибытия в лагерь? – строго спросил Скатола.

Муллей подошел к столу и сунул свиток в руки старшего центуриона:

– Их трое. Все илирийцы. К нам прямо из Рима. Старший – Барбат. Барбат Стикс, – произнес он имя с нажимом.

– Барбат Стикс?! Герой римской толпы и завсегдатаев Колизея. Лучший гладиатор последних лет.

В палатке повисла напряженная тишина, каждый из центурионов пытался объяснить себе появление в легионе столь знаменитого гладиатора, получившего прозвище подземной реки мертвых – Стикс, человек, прошедший в городах империи десятки боев и выигравший схватку на главной арене – Колизее, на глазах самого императора Домициана и тем заслуживший свободу и славу. К его имени Барбат, выдававший варварское происхождение, восторженная римская толпа добавила прозвище Стикс за то, что гладиатор перед завершающим ударом кричал:

– Отправляйся в Стикс!

Имя Барбат вполне могло быть вымышленным, многие гладиаторы по разным причинам скрывали свои истинные имена и происхождения, а также и мотивы, которые приводили их на арену.

Одни имели жен и детей, а показательные бои рассматривали средство к существованию и содержанию семьи, надеясь однажды удачным ударом меча заработать себе достаточно, чтобы покинуть арену.

Другие – беглые рабы, бывшие легионеры, дезертировавшие из армии из трусости или по иным причинам, пойманные и отправленные в школу гладиаторов, таких называли DONNATI – отверженные. Их мужество – это чувство отчаяния, желания выжить любой ценой и, может быть, если им улыбнется фортуна, получить деревянный меч – символ свободы. Мало кто доживал до этого мгновенья, большинство погибало; получившие увечья становились слугами в тех же школах, попрошайками на городских площадях и улицах или пополняли ряды разбойников, стороживших неосторожных путников на многочисленных дорогах империи. Нередко они попадали в руки своих же бывших более удачливых и здоровых товарищей, служащих частным лицам или в отрядах правопорядка, милиции, и отправлялись на крест теми же, с кем еще недавно делились куском лепешки и мечтами о лучшей доле.

Но были и такие, кто на острие меча жаждал славы и признания, кто жил только одним – стать кумиром Рима, пролив чужую кровь. Слава прекрасного бойца, приобретенная на арене Колизея, равнялась славе императора.

Триумф Домициана над хаттами, сомнительный по своей сути, был украшен блестящими играми гладиаторов, резней сотен диких зверей – львов, медведей, тигров, доведенных голодом до бешенства.

Венцом игр был бой Барбата Стикса с нумидийцем Аполлоном. Двухметровый красавец гигант Аполлон, обожаемый всеми женщинами Рима, сошелся в красочном спектакле жизни и смерти с невысоким, мрачным и злобным на вид Барбатом. Аполлон был на две головы выше Барбата и сложен как бог, благоухал дорогими маслами и мастерски владел оружием, распространенным столетие назад и сейчас малоупотребимым – трезубцем и сетью. Двигался, несмотря на рост, быстро и мягко, как большая кошка, вызывая всеобщее восхищение. Барбат же был ростом ниже среднего, но казалось, что его плечи превышали его рост, мощные руки и ноги как корни дуба, грудь, казалось, не пробьет и снаряд из баллисты. Он вышел на арену в своем устрашающем шлеме, изображающем оскаленную морду мифического зверя, с небольшим щитом и коротким мечом. Это был извечный, но ставший редким бой мирмиллона и ретиария.

После традиционного приветствия Домициану Барбат крикнул на весь Колизей, что отправит в Стикс всех врагов императора, чем заслужил улыбку и аплодисменты Домициана.

Ставки на бой выросли так, что казалось, от него зависит судьба самого Вечного города.

Бойцы прекрасно знали друг друга, но в смертельной игре сошлись впервые, один-единственный удар мог принести одному славу и свободу, другому смерть и забвенье.

Зрители криками, жестикующей поддерживали гладиаторов, восторженно приветствуя каждый удар, выпад, ловкое движение. Овацией встретили воздушный поцелуй, посланный Аполлоном кому-то в огромной толпе зрителей, уловившим момент между атаками Барбата, и вызвавший волну пересудов, сплетен и понимающих улыбок.

Не прошло и пары минут с начала боя, как Барбат уже имел две раны, глубокий порез на правой щеке и три глубокие отметины на левом бедре. Нумидиец, сверкая ослепительной улыбкой, был свеж, бодр и не имел даже царапины.

Огромный амфитеатр заходился от восторга и упоения схваткой...

...Колизей разом охнул и затих, тысячи зрителей на несколько мгновений перестали дышать.

Барбат, отступая под напором атаки африканца, неожиданно нырнул под трезубец, используя свой небольшой рост, и выбросил руку с мечом вперед.

Аполлон, увлекшись атакой, на мгновение потерял контроль и не успел достаточно быстро среагировать на коварный и ловкий контрвыпад Барбата, и сам напоролся на меч, который рассек ему низ живота.

Страшная всепоглощающая боль пронзила все его существо, лишая возможности двигаться, соображать и даже кричать. Закрывая руками рассеченную плоть, Аполлон упал на колени, видя, как Барбат идет в сторону ложи Домициана. В наступившей тишине до Колизея донеслись шум и крики с Бычьего рынка, что находится рядом с Большим цирком на берегу Тибра.

Барбат протянул левую руку ладонью вверх к императору, а правой направил меч на стоящего на коленях Аполлона.

– Господин мой и отец, я жду твоего слова! – громко произнес победитель. Домициан встал с кресла и, поворачивая голову влево и вправо, с улыбкой посмотрел на близ сидящих сенаторов, как бы ища следующую жертву Барбата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.